

Журнал «Мировые цивилизации» / Scientific journal «World civilizations» <https://wcj.world>

2023, №4, Том 8 / 2023, No 4, Vol 8 <https://wcj.world/issue-4-2023.html>

URL статьи: <https://wcj.world/PDF/01IAMZ423.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Левчик, Д. А. Феномен пандемииодиссидентства на примере псевдочумного бунта в Севастополе и холерного бунта в Тамбове в 1830 году / Д. А. Левчик // Мировые цивилизации. — 2023. — Т. 8. — №4. — URL: <https://wcj.world/PDF/01IAMZ423.pdf>.

For citation:

Levchik D.A. The phenomenon of pandemic dissidence on the example of the pseudo-plague riot in Sevastopol and the cholera riot in Tambov in 1830. *World civilizations*. 2023; 4(8): 01IAMZ423. Available at: <https://wcj.world/PDF/01IAMZ423.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 930.1

Левчик Дмитрий Александрович

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия

Факультет международных отношений и геополитики

Профессор кафедры мировой политики и межкультурного развития

Доктор исторических наук

E-mail: levchik63@rambler.ru

Феномен пандемииодиссидентства на примере псевдочумного бунта в Севастополе и холерного бунта в Тамбове в 1830 году

Аннотация. Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью тщательного изучения влияния пандемий на наше общество, а главное – на складывание предпосылок революций 1917 года. Целью статьи выступает изучение характера феномена российского пандемииодиссидентства XIX века на примере псевдочумного бунта в Севастополе и холерного бунта в Тамбове в 1830 году. Задачи статьи заключаются в попытке найти ответы на два исследовательских вопроса: можно ли у российских пандемииодиссидентов XIX века найти черты, похожие на черты движения в защиту прав пациента; являлись ли пандемииодиссидентские выступления опасными для царизма настолько, что их можно считать частью революционного движения. В научном исследовании применялся метод реинтерпретация опубликованных данных. Основной вывод статьи – требования российских пандемииодиссидентов XIX века вполне созвучны современным нормам защиты прав пациентов. Воплощение в жизнь этих требований объективно противоречило бесконтрольной власти царизма над своими подданными, а потому являлось составной частью революционных требований по ограничению власти царя. Перспективой исследования видится реинтерпретация процесса формирования революционной ситуации в России начала XX века.

Ключевые слова: История России; пандемии; холера; чума; революция; бунт; пандемииодиссидентство

Введение

По России в XIX веке прокатилось пять холерных пандемий: первая в 1817–1824 годы, вторая в 1826–1837 годы, третья в 1846–1860 годы, четвёртая в 1863–1875 годы, пятая в 1881–1896 годы. Все эти пандемии, кроме первой, которая была самой слабой и затронула только несколько южных городов страны, сопровождались так называемыми холерными бунтами, стихийными выступлениями подданных Российской империи, в ходе которых восставшими

убивались врачи, представители господствующего класса, местной администрации, а также наносился серьёзный материальный ущерб больницам и административным зданиям. Почти все эти выступления были подавлены силами армии и спецслужб. Было всего несколько случаев, когда бунтовщиков уговаривали разойтись по домам, причём в одном из таких случаев (в Санкт-Петербурге в 1831 году) потребовалось личное вмешательство человека, имеющего высший авторитет в империи – царя Николая I.

В советской и российской историографии эти выступления специально изучались, с одной стороны, специалистами по революционным движениям [2, 5], с другой стороны, специалистами по истории медицины [1, 6, 7]. Первые акцентировали внимание на социальных причинах и последствиях холерных бунтов и утверждали, что одной из главных причин волнений был произвол властей и крепостнический гнёт. Эти исследователи рассматривали холерные бунты как одну из неразвитых форм антикрепостнического, антифеодального протеста. Холерный бунт, согласно точке зрения этих историков, это – антифеодальное, антикрепостническое примитивное деидеологизированное социальное протестное движение, основанное на неверии в медицину и науку. Близкую точку зрения высказывали историки медицины, которые изучали холерные бунты как не основной объект своего исследования, акцентируя всё своё исследовательское внимание на ход течения пандемии, количество жертв, методы лечения. Базировались перечисленные взгляды на марксистской парадигме истории развития революционного движения в России, основа которой заложена в работах В. И. Ленина [4]. Эта парадигма акцентирует внимание на дворянской революционности, революционности разночинцев, рабочей революционности, а также на крестьянском протестном движении. Иные протестные движения (в том числе холерные бунты) находятся на периферии исследовательского интереса историков-марксистов.

Не отрицая эвристическую роль марксистского взгляда на холерные бунты, попробуем описать это явление в терминах современной социальной парадигмы, сформировавшейся, в основном, в 2019–2021 годы во время пандемии COVID-19 с учётом терминов, появившихся в российской социальной парадигме в годы Перестройки.

Примерно, в 2019 году в современной социальной парадигме появился термин «ковидодиссидентство», обозначающий скептическое отношение к пандемии COVID-19 и к методам её лечения. Ковидодиссиденты вели пропаганду и агитацию в СМИ и социальных сетях, организовывали акции протеста против форм, методов лечения COVID-19, вплоть до митингов, перекрытия транспортных магистралей, демонстраций. Мы не изучаем ковидодиссидентство. Но для нас важен этот термин. Для нашего исследования мы предлагаем термин «пандемидиссидентство» и «пандемидиссидент». Последний термин построен по полной аналогии с термином ковидодиссидент, но в нашем понимании означает человека скептически и протестно настроенного по отношению к формам и методам лечения и профилактики пандемий, в том числе холерных, вплоть до выхода на акции протеста против форм и методов лечения пандемий. При этом медицинские аспекты правильности лечения пандемий, мы не разбираем в силу отсутствия специальных знаний. Нам важен анализ генезиса именно социального феномена пандемидиссидентства в исторической ретроспективе.

Второй термин, взятый нами из современной социальной парадигмы для построения собственной терминологии – «репрессивная психиатрия». Этот термин для обозначения использования психиатрических диагнозов с целью изоляции или репрессий инакомыслящих в СССР предложен в конце 70-х годов прошлого века рядом диссидентов, примыкавших к так называемой «Хельсинской правозащитной группе», однако широко употребляемым он стал в годы Перестройки. Предметом нашего исследования не является диссидентское движение в

СССР, но нам представляется эвристически ценным термин «репрессивная» в сочетании с термином, обозначающим отрасль медицины. По аналогии мы построили термин «репрессивная эпидемиология» для обозначения карательных, репрессивных акций царского правительства по борьбе с причинами, вызвавшими «холерные бунты» XIX века.

В рамках современной социальной парадигмы ковидодиссиденты в ходе своих выступлений апеллировали к сложившейся в современном мире системе личных прав, включающих права пациента. Напоминаю, что в Российской Федерации права пациента определены Федеральным Законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года¹. В Российской Федерации есть и уголовная ответственность врача за преступные деяния по отношению к пациенту. Она регламентируется частью 2 статьи 109 Уголовного Кодекса (УК) РФ (ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей при оказании помощи пациенту, повлекшее причинение смерти по неосторожности), а также по халатности. Последнее регламентируется статьей 293 УК РФ².

«Можно ли у российских пандемидиссидентов XIX века найти черты, похожие на черты движения в защиту прав пациента?» – это основной исследовательский вопрос настоящей статьи.

Наша рабочая гипотеза говорит о том, что на поставленный исследовательский вопрос можно ответить позитивно. Гипотетически мы считаем, что в практике движения российских пандемидиссидентов XIX века можно найти черты, похожие на черты движения в защиту прав пациента.

Второй исследовательский вопрос: «являлись ли пандемидиссидентские выступления опасными для царизма настолько, что их можно считать частью революционного движения?».

Наша рабочая гипотеза состоит также в позитивном ответе на данный вопрос. Гипотетически мы считаем, что пандемидиссидентское движение наносило серьезный удар по царской власти.

Основная часть

В качестве примера выберем ретроспективный анализ двух пандемидиссидентских бунтов в России в ходе второй холерной пандемии:

- (1) «Псевдочумной» бунт в Севастополе в 1830 году. В современной исторической науке его называют «чумным». Однако эпидемиологическая ситуация в городе была спокойной. Местные власти решили ввести профилактический карантин. Якобы чумной бунт при отсутствии чумы мы предлагаем назвать «псевдочумным».
- (2) Холерный бунт в Тамбове в 1830 году.

Выбор бунтов произволен. Можно было бы выбрать и иную пандемию.

Основой источниковой базой по истории севастопольского бунта является подробное его описание в работе А. И. Полканова [5], а тамбовского – в труде С. Я. Гессена [2].

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» / Собр. законодат. Рос. Федерации. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.

² Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) / Собр. законодат. Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Агрегированное эмпирическое описание этих протестных выступлений представлено нами в нашей предыдущей работе [3].

Лечить холеру в то время не умели. Методы лечения были примитивны и неоднократно вели к смерти пациентов. Полагаю, что недовольство методами лечения со стороны пациентов и их семей было, в известной мере, оправдано.

Ход событий в Севастополе в 1830 году неоднократно описан. Это – классическое описание действий царской репрессивной эпидемиологии, то есть массовых репрессий, прикрытых демагогией о борьбе с пандемией. Подчеркиваем, никаких реальных проявлений чумы или холеры в городе не было. Локдаун носил профилактический характер. Локдаун и карантин в городе несколько раз без нужды ужесточали с мая 1828 года до лета 1829 года. По мере усиления карантина усиливался и произвол т.н. «карантинных чиновников», получивших необычайно широкие полномочия. В городе многократно выросли цены на продукты питания. Жалобы населения в столицу привели к появлению в Севастополе проверочной комиссии во главе с флигель-адъютантом Н. П. Римским-Корсаковым. Комиссия сделала выводы о злоупотреблениях «карантинных чиновников» в городе, но реальных организационных мер в адрес нарушителей закона не было предпринято.

Далее события развивались так:

- март 1830 года – ужесточение карантина в Севастополе;
- июнь 1830 года – начало волнений в Корабельной слободе, поводом для которых стал расстрел моряка Григория Полярного, оказавшего вооружённое сопротивление при попытке отправить его семью в карантинную зону. Создание в Корабельной слободе отрядов самообороны. Выдвижение протестующими жителями слободы пандемидиссидентских лозунгов о прекращении локдауна и карантина;
- 3 июня 1830 года – переход части правительственных войск на сторону восставших. Захват восставшими города, убийство губернатора Севастополя. Погромы домов представителей господствующего класса;
- 4 июня 1830 года – отказ нового коменданта города генерал-майора А. П. Турчанинова отдать приказ стрелять в народ, что говорит о серьёзных разногласиях в среде руководства о методах борьбы с восставшими;
- 7 июня 1830 года – ввод в город карательных правительственных подразделений. Уличные бои повстанцев с правительственными войсками. Капитуляция восставших, арест лидеров пандемидиссидентов;
- Расправа над восставшими. Арестовано около 6000 восставших противников самоизоляции. Казнены 7 человек, лидеров восстания, около 1000 пандемидиссидентов, горожан и матросов отправлены на каторжные работы. Около 4200 пандемидиссидентов были депортированы в другие города. Офицеры получили дисциплинарные наказания. Генерал-майор Турчанинов, не пожелавший воевать с собственным народом, разжалован в рядовые с лишением всех наград. Умер через год.

Результат восстания: карантин был снят, и нормальная жизнь в городе восстановилась [5; 3, с. 117–120].

Приведём аналогичное описание тамбовского пандемииодиссидентского восстания:

- Сентябрь 1830 года – холера диагностирована в Тамбовской губернии.
- Ноябрь 1830 года – в Тамбове оцепили дома заболевших, объявили полный карантин, самоизоляцию, локдаун.
- Началась протестная петиционная кампания. Лидер тамбовских пандемииодиссидентов Данила Ильин, декларировал готовность идти к государю и жаловаться на начальство.
- 16 ноября 1830 года – ужесточение карантина;
- 17 ноября 1830 года – прошла несанкционированная демонстрация и создан чрезвычайный орган территориального общественного самоуправления – сход пандемииодиссидентов перед городской думой. Участники схода требовали от властей признания отсутствия эпидемии. Они изложили свои требования в «мнении», составленном, упомянутым Д. Ильиным, включавшими:
 - выборы чрезвычайного наблюдательного общественного органа по контролю за действиями медиков;
 - права пациента на свободу выбора лечащего врача;
 - согласование с выборными городскими и чрезвычайными общественными органами всех санитарных мер;
 - отмену локдауна;
- 18 ноября 1830 года – орган территориального общественного самоуправления, сход Стрелецкой и Пушкарской слобод тоже принял пандемииодиссидентские требования и присоединился к действиям горожан. Митинг горожан и слободчан трансформировался в демонстрацию, участники которой двинулась к зданию губернского правления, куда прибыли губернатор Миронов, тамбовский епископ Евгений, начальник внутренней стражи генерал Зайцев и другие должностные лица. Создание ещё одного чрезвычайного органа территориального общественного самоуправления – группы по эксгумации тел погибших от холеры во главе с одним из лидеров пандемииодиссидентов, Е. Акимовым. Борьба пандемииодиссидентов за контроль над городской больницей;
- Ночь с 18 на 19 ноября 1830 года – часть правительственных войск объявляет о нейтралитете, отказывается стрелять в народ и правительственные войска вынуждены отступить за реку Студенец;
- 19 ноября 1830 года – на Соборной площади состоялся молебен в присутствии более трёх тысяч человек, что свидетельствует о переходе на сторону восставших пандемииодиссидентов части городского духовенства. В думе проводит работу ещё один чрезвычайный орган территориального общественного самоуправления – собрание мещан, избравшее делегатов для изложения губернатору требований населения;
- 21 ноября 1830 года – в город вошли каратели.
- Расправа над восставшими: 219 пандемииодиссидентов было арестовано. 176 отданы под суд. Лидеры: Ильин и Акимов были повешены, два человека подлежали наказанию кнутом и каторжным работам, 8 военнослужащих-офицеров, принявших участие в восстании – наказанию шпицрутенами и отправке рядовыми на Кавказ, [2, с. 13–25; 3, с. 120–123].

Если переформулировать требования пандемидиссидентов, выдвинутые в ходе изучаемых протестных выступлений, современным языком, нельзя не заметить две группы требований:

1. Требования, направленные на соблюдение личных прав пациентов.
 - Соблюдение личных прав человека в ходе оказания ему медицинской помощи.
 - Право на отказ от госпитализации.
 - Право на выбор лечащего врача.

2. Требования, направленные против репрессивной эпидемиологии.
 - Уголовная ответственность врача за неверное лечение в ходе пандемии.
 - Уголовная ответственность представителей власти за неверные управленческие действия во время пандемии.
 - Независимое судебное расследование выборочно случаев смерти во время пандемии.
 - Право на контроль общества за действиями властей в период пандемии вплоть до отмены общественными органами основных распоряжений властей.
 - Право на контроль общества за работой лечебных учреждений в период пандемии.
 - Обязанность государства сообщать полную и достоверную информацию о ходе пандемии и врачебных мерах, принимаемых для её ликвидации.

Эти требования вполне созвучны современным нормам защиты прав пациентов, что говорит либо о передовом характере требований российских пандемидиссидентов XIX века, либо об отсталости современных норм защиты прав пациентов. Воплощение в жизнь этих требований в XIX веке объективно противоречило бесконтрольной власти царизма над своими подданными, а потому являлось составной частью революционных требований по ограничению власти царя. Создание восставшими чрезвычайных органов территориального общественного самоуправления говорит о готовности восставших взять власть на территории в свои руки. Принятие научным сообществом этого вывода приведёт к реинтерпретации процесса формирования революционной ситуации в России начала XX века, признанию в качестве одной из причин революционной ситуации пандемииологической опасности, с которой царизм не справлялся, а также к тому, что пандемидиссидентское революционное движение как первая форма движения за права пациентов являлось наряду с дворянским, народническим, рабочим и крестьянским движениями частью российского революционного движения.

Общий вывод

Мы считаем, что ранние формы движения в защиту прав пациентов, нашедшие своё выражение в холерных и псевдочумных бунтах были прогрессивными и революционными. Бесчеловечное подавление холерных и псевдочумных бунтов было преступлением царизма.

Этот вывод не отменяет наше негативное отношение к любым формам насилия и террора, имевшим место в ходе изучаемых бунтов. Однако принцип историзма вынуждает напомнить, что, например, борьба рабов за равноправие начиналась также с террора против своих хозяев-рабовладельцев. А потому пандемидиссидентское насилие и террор заслуживает такого же осуждения, как и террор участников восстания Спартака.

Можно сделать и побочный общественно-политический вывод из нашей работы – о необходимости увековечивании памяти как лидеров пандемидиссидентов Е. Акимова, Д. Ильина, Г. Полярного как борцов за демократию, за личные права граждан, за права пациентов, так и генерал-майора А. Турчанинова, не пожелавшего воевать с собственным народом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, К. Г. История эпидемий в России / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал; ред. А. И. Метелкин. — Москва: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. — 395 с.
2. Гессен С. Я. «Холерные бунты» (1830–1832 гг.). — М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. — 65 с.
3. Левчик Д. А. Пандемии и общество: социальные и политические последствия главных пандемий в истории человечества от «юстиниановой» чумы до ковида / Д. Левчик. — СПб.: СУПЕР Издательство, 2022. — 208 с.
4. Ленин В. И. Памяти Герцена // Полн. Собр. Соч. — М.: Политиздат, 1968. — Т. 21. — С. 255–262.
5. Полканов А. И. Севастопольское восстание 1830 года по архивным материалам. — Симферополь: Гос. изд-во, 1936. — 145 с.
6. Супотницкий М. В. Микроорганизмы, токсины, эпидемии / М. В. Супотницкий. — М.: Вузовская книга, 2015. — 376 с.
7. Супотницкий, М. В. Очерки истории чумы / М. В. Супотницкий, Н. С. Супотницкая. — М.: Вузовская книга, 2006. — Кн. 1: Чума добактериологического периода. — 468 с.

Levchik Dmitry Aleksandrovich

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovskiy, Moscow, Russia
E-mail: levchik63@rambler.ru

The phenomenon of pandemic dissidence on the example of the pseudo-plague riot in Sevastopol and the cholera riot in Tambov in 1830

Abstract. The relevance of this article is determined by the need to carefully study the impact of pandemics on our society, and most importantly, on the formation of the preconditions for the revolutions of 1917. The purpose of the article is to study the nature of the phenomenon of Russian pandemic dissidentism of the 19th century using the example of the pseudo-plague riot in Sevastopol and the cholera riot in Tambov in 1830. The objectives of the article are to try to find answers to two research questions: is it possible to find traits similar to those of the movement in defense of patients' rights among the Russian pandemic-dissidents of the 19th century; whether pandemic-dissident protests were so dangerous for tsarism that they can be considered part of the revolutionary movement. The scientific study used the method of reinterpretation of published data. The main conclusion of the article is that the demands of Russian pandemic activists of the 19th century are quite consistent with modern standards for protecting the rights of patients. The implementation of these demands objectively contradicted the uncontrolled power of tsarism over its subjects, and therefore was an integral part of the revolutionary demands to limit the power of the tsar. The prospect of the study is seen to be a reinterpretation of the process of formation of the revolutionary situation in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: The history of Russia; pandemics; cholera; plague; revolution; riot; pandemic and dissidence